Орленев

27.9.26.

ТЕАТР.

ОРЛЕНЕВ.

Все в этом актере чуждо, и нашему театру, и нашему восприятию искусства и жизни. Если для нас, прошедших и через реформу МХАТ'а и через революцию «левого фронта», стало, если и не твердым завоеванием, то непременным требованием и целью—построение спектакля, как единого точно выверенного и осознанного целого, то, ведь, для Орленева не существует спектакля в целом. Он проходит через спектакль, не задевая случайных своих партнеров. Более того: для Орленева не существует и роли в ее целом. Роль, даже этот вот «Федор Иоанныч», первая, излюбленная и славнейшая его роль, состоит для него из мертвых кусков, где можно сидеть безучастно или подавать вялые реплики, и, отдельных переходов, вспышек, топотов, криков, где он, мгновенно озаряя тусклый спектакль, с поразительной искренностью и трогательностью раскрывает свое лицо, лицо нервного, заблудившегося в мире, потерянного человека. Приемы Орленева при этом поразительно суб'ективны. Наблюдая его несколько раз, трудно заметить постоянный, раз затверженный, рисунок роли. Он импровизует. Характерно, что он пользуется при этом почти исключительно голосом, бесспорно, наиболее поддающимся мгновенному волненью, и почти не прибегает к жесту. Правда, и то, что облик, им создаваемый, характерный облик русского романтика конца века, сейчас от нас всячески далек, и раскрытие этого облика в «Федоре» мы можем отвергнуть, как непоследовательное и произвольное. Все это существенные, основные расхождения и замазывать их незачем и нельзя.

Но при всем том, когда в удачные свои минуты (а вчерашний спектакль был именно такой счастливой удачей), Орленев, подхваченный физически ощущаемой тревогой, шепчет слова величайшей простоты и проникновенности или вскидывается в безнадежном гневе или смертельно тоскует, тогда бутафорский текст Алексея Толстого и весь провинциальный спектакль пронизывается человечностью и вдохновеньем. Человечность и вдохновенье, т.-е. требование этической высоты—вот задание Орленева с того берега, современному, сложному, но, может быть, несколько рассудочному театру.

В творчестве Орленева есть и другое, не менее важное задание. Ведь он—последний из великих театральных бродяг прошлого века, исколесивших все дебри и глуши со своим индивидуальным мастерством. Этих бродяг-одиночек наши громадные центральные театры еще не научились заменить. Но они должны это сделать, чтобы в изменившихся условиях продолжить, на свой лад и стиль, огромной значительности культурное дело, делавшееся этими действительно народными и прекрасными артистами.

Адр. ПИОТРОВСКИЙ.

Красная газ. — 1926 — 27 сент.